

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 93/94

*Амашер Корин*Женевский университет, Швейцария
korine.amacher@unige.ch**ЛЕВ КАМЕНЕВ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА:
ИНТЕЛЛИГЕНТ МЕЖ ДВУХ БЕРЕГОВ***

До сих пор имя большевика Льва Каменева не связывалось с именем Александра Ивановича Герцена. Тем не менее еще с дореволюционных лет Каменев испытывал к Герцену глубокий интерес. После революции, и в особенности в начале 1930-х гг., в бытность свою директором издательства "Academia" и двух академических институтов по литературе, Каменев отредактировал и издал множество текстов Герцена и начал серьезное исследование наследия этого мыслителя. Теперь архив Каменева открыт, и найденные материалы свидетельствуют об активной деятельности ученого в области герценоведения. В 1936 г., после вынесенного Каменеву смертного приговора, большинство его работ попало в специальные фонды, недоступные исследователям вплоть до его посмертной реабилитации в 1988 г. Арест Каменева не только отсрочил на несколько десятилетий начатое им переиздание «Колокола», но и затруднил будущим герценоведам доступ к его собственным работам. Между тем некоторые мысли Каменева, в частности соображения об «архитектурной стройности» «Былого и дум», долгое время бывшей камнем преткновения для издателей Герцена, не лишены интереса. Смерть Каменева также ознаменовала конец дискуссий вокруг герценовского наследия. Каменев, более других сделавший для распространения ленинской интерпретации сочинений Герцена, не был чужд немарксистским дореволюционным культурным и интеллектуальным традициям. И в отличие от того, что произойдет после Второй мировой войны, когда в герценоведении марксистская интерпретация стала доминирующей, Каменев об этих традициях не умалчивал. Библиогр. 45 назв.

Ключевые слова: Лев Каменев, Александр Герцен.

*Amacher Korine*University of Geneva, Switzerland
korine.amacher@unige.ch**LEV KAMENEV, A SPECIALIST OF ALEKSANDR HERZEN'S WORK:
AN INTELLECTUAL BETWEEN TWO SHORES**

The name of the Bolshevik Lev Kamenev has never been associated with that of Aleksandr Herzen. However, since the pre-revolutionary period, Kamenev had shown a deep interest in Herzen's work. After the Revolution, and particularly in the 1930s when he was director of the Academia Press and of two academic institutes of literature, Kamenev edited numerous texts by Herzen and started up an ambitious programme of studies dedicated to Herzen. Nevertheless, after his death sentence in 1936, a

* Перевод с французского Веры Мильчиной

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

great part of his work disappeared in special archives inaccessible to researchers until his posthumous rehabilitation in 1988. These archives are now accessible to them. Their disappearance prevented Herzen specialists from having access to his work and impeded the re-edition of *The Bell* by Herzen, one of Kamenev's most ambitious projects. Kamenev's arrest delayed for several decades the re-edition of *The Bell* and made it more difficult for future researchers to have access to his works. Meanwhile, some of Kamenev's ideas, in particular concerning the "architecture" of *My Past and Thoughts*, which remained, for a long time, mysterious to Herzen's editors, were very innovative and interesting. Kamenev's death also put an end to the discussions over Herzen's legacy. Kamenev, who was one of the most active promoters of Lenin's interpretation of Herzen, remained a man stamped with pre-revolutionary non-Marxist cultural and intellectual traditions that were not concealed by him, as would be the case later, particularly after the Second World War when the Marxist interpretation of Herzen was definitively imposed. Refs 45.

Keywords: Alexander Herzen, Lev Kamenev.

Соединение имен Александра Герцена и Льва Каменева (1883–1936), старого большевика, соратника Ленина, приговоренного к смерти в августе 1936 г. во время одного из московских процессов, может показаться странным. В русской и западной историографии о Каменеве пишут в основном в связи с политикой. Его имя упоминают, как правило, рядом с именем Григория Зиновьева, его друга и политического единомышленника.

Между тем Каменев оставил большой след не только в политике, но и в культуре. Во-первых, как председатель Моссовета в 1918–1926 гг., а затем, с начала 1930-х гг. до своего последнего ареста в декабре 1934 г., как глава издательства "Academia" и двух крупных научно-исследовательских институтов: Института русской литературы (ИРЛИ, или Пушкинский Дом) и Института мировой литературы (ИМЛИ, или Институт Горького). Наконец, в течение двух десятков лет (с 1914 по 1936 г.) Каменев опубликовал целый ряд статей и книг, посвященных различным мыслителям и политикам XIX в. В настоящее время исследователи получили доступ к архиву Каменева¹. Он содержит материалы, касающиеся его политической и научной деятельности, а также переписку и опубликованные и неопубликованные бумаги, связанные как с его исследовательской работой, так и с руководством двумя институтами и издательством.

Судя по архиву, Каменев с конца 1920-х гг. был погружен в изучение творчества Герцена. Глубокий интерес к этому автору он, впрочем, испытывал еще раньше, в дореволюционные годы, поскольку первая его пространная работа о Герцене была опубликована в «Вестнике Европы» в 1914 г. [Каменев Ю. 1914].

В 1920 г., в бытность свою председателем Моссовета, Каменев стал одним из главных организаторов мероприятий, посвященных пятидесятой годовщине со дня смерти Герцена. С конца 1920-х гг. он публиковал многочисленные статьи о Герцене и предисловия к его сочинениям. Наконец, в 1931 г. им осуществлено первое полное научное издание мемуаров Герцена [Герцен 1931–1932].

Эта сторона жизни Каменева, о которой и пойдет речь в нашей статье, до сих пор остается малоизвестной [см.: Крылов 1989²]. После расстрела его работы были

¹ Его бумаги хранятся в Москве в РГАСПИ — Российском государственном архиве социальной и политической истории (фонд 323, описи 1 и 2).

² Эту статью ее автор назвал «библиографической реабилитацией». Вячеслав Крылов вместе с Е. В. Кичатовой выпустил специальное исследование об издательстве, которое возглавлял Каменев [Крылов, Кичатова 2004; см. также: Крылов 1994; Крылов 2000]. Опубликован список работ Л. Б. Каменева, сохранившихся в фондах Библиотеки Академии наук [Черняев 1992].

отправлены в спецхран, и вплоть до посмертной реабилитации в 1988 г. исследователи не имели к ним доступа. Из тех изданий, которые оставались доступны, предисловия и комментарии Каменева были вырваны, а из энциклопедий исчезло само его имя. Если в первом заводе первого издания «Большой советской энциклопедии» (апрель 1937 г.) статья «Каменев» еще присутствует, то в следующем заводе (июнь 1937 г.) ее уже нет.

Исчезновение Каменева совпало с прекращением дискуссий по поводу наследия Герцена. Каменевские работы о Герцене выходили в достаточно открытом политическом и культурном контексте, который еще не предполагал обязательного наличия в историографии «единственно правильной» точки зрения. В этом смысле Каменев представляет собой эмблематическую фигуру для советской интеллектуальной атмосферы 1920-х и начала 1930-х гг. Ибо сам Каменев, как мы покажем в дальнейшем, хотя и активно распространял ленинскую интерпретацию наследия Герцена, в то же время оставался продолжателем дореволюционных культурных и интеллектуальных традиций.

Каменев — пропагандист, издатель и историк Герцена

Тому, кто знает политическую биографию Каменева, может показаться удивительным, что у него оставалось время для занятий литературой и историей. А между тем его деятельность в этой области весьма значительна. Интерес к истории революционного движения XIX в. заметен уже в опубликованной Каменевым в 1912 г. рецензии на труд Василия Яковлевича Богучарского, первого историка революционной организации «Народная воля» [Каменев Ю. 1912]. Но особое внимание Каменева привлекают Герцен и Чернышевский. В 1914 г. он публикует в «Вестнике Европы» пространное исследование под названием «Самый остроумный противник Герцена», которое два года спустя переиздает в своей книге «Об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском» [Каменев Ю. 1914; Каменев Ю. 1916]. Эта статья, в которой Каменев восстанавливает биографию Райнхольда Зольгера (1817–1866), немецкого публициста демократических убеждений, с которым Герцена познакомил в Париже в 1847 г. Георг Гервег, — первая работа, посвященная взаимоотношениям Герцена с «немецкими демократами».

После захвата большевиками власти в октябре 1917 г. Каменев слишком занят партийной и государственной работой, чтобы писать о Герцене, однако не забывает о нем. В 1920 г. он вместе с Луначарским организует, как уже было сказано, целый ряд мероприятий в связи с пятидесятой годовщиной со дня смерти Герцена, которую советское правительство, искавшее способы исторической легитимации, отмечало с большой помпой. Московские власти устраивали бесконечные вечера и выставки; Герцену посвящались театральные спектакли, концерты, статьи и специальные выпуски журналов³. 19 января 1920 г. Каменев произнес на открытии торжеств речь от имени советского и московского правительств. Вечером 20 января в Большом театре он перечислил решения, принятые Совнаркомом для сохранения памяти о Герцене в Советской России. Среди прочего было решено отметить

³ См., напр., специальный выпуск журнала «Творчество. Журнал литературы, искусства, науки и жизни» (М., 1920, № 1). В Петрограде Музей революции, открытый в 1919 г., выпустил по случаю юбилея особую однодневную газету со статьями знатоков творчества Герцена [Колокол 1920].

мемориальными досками или памятниками места в Москве и в других городах, где Герцен жил, присвоить его имя институтам и школам, установить статую Герцена перед Московским университетом, а Большую Никитскую улицу переименовать в улицу Герцена.

Каменев начал терять политическое влияние с 1926 г. В ноябре его удаляют из страны и отправляют полномочным послом в Италию, где он остается до ноября 1927 г. Там он сближается с Горьким, который в это время жил в Италии. В октябре 1927 г. Каменева исключают из ЦК, а декабре того же года — из партии и высылают в Калугу. В 1928 г., после того как он выступил с признанием своих ошибок, его в партии восстанавливают. По мере уменьшения его политического влияния возрастает его роль в сфере культуры. По предложению Горького, возвратившегося в СССР в 1932 г. и возглавившего редакционный совет издательства “Academia”, Каменева в мае 1932 г. назначают его директором. В 1932 г. Каменева вновь исключают из партии и ссылают в сибирский город Минусинск, откуда он возвращается в апреле 1933 г. благодаря ходатайству Горького [Горький 2000, с. 234]. Каменев вновь признает свои ошибки и в декабре 1933 г. его снова восстанавливают в партии. В мае 1934 г. его по предложению Горького назначают директором Института русской литературы, а месяцем позже он становится директором Института мировой литературы, созданного в сентябре 1932 г. по инициативе того же Горького.

Итак, когда Каменев работал над статьями о Герцене для первых изданий «Большой советской энциклопедии» и «Литературной энциклопедии» [Каменев Л. 1929; Каменев Л. 1930], он уже в большой степени утратил политическое влияние. В эти же годы Каменев пишет предисловия к нескольким изданиям Герцена, в частности к «Повестям и рассказам», опубликованным в 1934 г., незадолго до его ареста [Герцен 1934⁴]. В 1931 г. он публикует два почти идентичных издания «Былого и дум», основанных на детальном изучении доступных ему рукописей и снабженных многочисленными комментариями. Этим изданиям он предпосылает предисловие и подробную историю создания и издания «Былого и дум», комментарий к содержанию текста [Герцен 1931–1932⁵].

В марте 1935 г., через несколько месяцев после ареста Каменева, Институт русской литературы публикует факсимильное переиздание книги «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне, 1853–1863», изданной впервые в Лондоне в 1863 г. Сравнение предисловия, напечатанного без подписи⁶, и рукописи, сохранившейся в архиве Каменева [РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–5], доказывает, что предисловие написано им. В этой рукописи объявлено также о скором переиздании главного создания Герцена, газеты «Колокол», которую он издавал с 1857 по 1869 г. сначала в Лондоне, а затем в Женеве.

В самом деле, в ноябре 1934 г., в тот момент, когда Каменев заканчивал работу над предисловием к «Десятилетию...», он уже получил верстку [Ф. 323. Оп. 1. Д. 90. Л. 3] того издания, которое должно быть стать главным в его герценоведческой ка-

⁴ Этот экземпляр хранится в РГБ. Второе издание вышло в 1936 г. без предисловия Каменева.

⁵ Из экземпляров РГБ тексты Каменева вырваны.

⁶ [Десятилетие 1935]. Эту публикацию, снабженную приложением («Библиографическое издание вольной русской типографии в Лондоне, 1853–1865»), подготовил Юлиан Оксман. Под предисловием выставлено «Институт русской литературы Академии наук СССР»; директором института в это время был Каменев.

рьере⁷. Проект факсимильного переиздания «Колокола» в 10 книгах был в феврале 1931 г. одобрен Академией наук [Ф. 323. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–16]. Согласно договору с Академией, издание должно было растянуться на пять лет и завершиться в 1936 г.; предполагалось, что в год будет выходить по две книги. В 1931 г., в соответствии с решением секретариата ЦК, был сформирован редакционный совет [Ф. 323. Оп. 1. Д. 90. Л. 3 об.; Д. 88. Л. 14–30]. В программе научного издания «Колокола», составленной в 1931 г., Каменев объяснял, что намерен снабдить каждый выпуск «Колокола» комментариями, историческими и биографическими справками, переводами иноязычных текстов, именным указателем и иллюстрациями [Ф. 323. Оп. 1. Д. 88. Л. 67–73]. Комментарии к первому выпуску, часть которого сохранилась в машинописном виде в архиве Каменева, были выполнены группой исследователей, историков и литературоведов. Среди них историки революционного движения Владимир Бонч-Бруевич (1873–1955) и Борис Козьмин (1888–1958), историки литературы, в частности Яков Черняк (1898–1955), опубликовавший в 1933 г. книгу, к которой Каменев написал предисловие [Черняк 1933], а также Соломон Штрайх (1879–1957) и Яков Эльсберг (1901–1976). Комментарии были призваны помочь советскому читателю оценить наследие Герцена с марксистско-ленинских позиций, познакомить его с социальным, политическим и экономическим контекстом, как русским, так и европейским, в котором создавался «Колокол». К работе предполагалось подключить библиотеки, музеи, научно-исследовательские институты. В надежде получить доступ к архивным документам Академия наук отправляет письмо дочери Герцена Наталье, живущей в Лозанне [Ф. 323. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–30].

Однако осуществление проекта затягивалось. Как уже было сказано, в октябре 1932 г. Каменева исключили из партии и отправили в Минусинск, где он находился до апреля 1933 г. В ноябре Каменев отправил письмо Академии наук, где объяснял задержку следующим образом: «назначение меня заведующим издательством “Академия”, а затем переезд из Москвы оттянули этот срок» [там же, л. 43].

Разумеется, сибирская ссылка не способствовала продолжению работы над переизданием «Колокола». Тем не менее она позволила Каменеву продвинуться в других направлениях. Именно в Минусинске он завершил биографию Чернышевского, опубликованную в 1933 г. [Каменев Л. 1933]. Там же он закончил и предисловие к первому выпуску «Колокола», в котором изложил историю создания Вольной русской типографии в Лондоне и рассказал о принципах переиздания «Колокола».

В апреле 1933 г. Каменев возвратился из ссылки в Москву. Писатель Корней Чуковский, который был знаком с Каменевым и которого в 1932 г. “Academia” пригласила для издания собрания сочинений Некрасова [Чуковский 1994, с. 65 (запись от 8 августа 1932 г.)], отметил в дневнике, что ссылка сильно состарила Каменева, хотя сам он оценивает этот эпизод своей жизни скорее положительно:

Из радиоцентра я поехал в “Academia”. Там первый человек, которого я увидел, был Каменев. По-прежнему добродушный, радостный, но седой. За этот год голова у него совсем поседела. <...> Каменев между прочим сказал: «Хорошо было мне в Минусинске: никто не мешал мне заниматься. Как жаль, что меня вернули

⁷ Судя по дате, стоящей на верстке, это произошло в июле 1934 г. Предисловие к «Колоколу» было закончено еще в январе 1933 г.: эту дату Каменев указал на последней странице (там же. Л. 10 об.). Предисловие Каменева опубликовано в 1994 г. Вячеславом Крыловым, который изучал архив Каменева во время работы над книгой об издательстве “Academia” [см.: Крылов 1996, с. 328–356].

в Москву. Там я написал бы о Некрасове, а здесь недосуг». Я думаю, что это — рисовка и что на самом деле он очень рад своему возвращению в Москву [Чуковский 1994, с. 77 (запись от 1 июня 1932 года)].

Конечно, никакой политической роли Каменев больше не играет. Но он продолжает руководить двумя академическими научно-исследовательскими институтами и престижным издательством. В январе 1935 г. обсуждается вопрос о том, чтобы сделать его постоянным членом Академии наук, опять-таки по предложению Горького, который хотел бы видеть Каменева «лидером советской литературы». Сам же Каменев выражает другое желание — «вести тихую и спокойную жизнь, чтоб я никого не трогал и меня чтоб никто не трогал. Я хочу, чтоб обо мне позабыли и чтоб Сталин не вспоминал даже моего имени» [цит. по: Крылов 1991, с. 104].

Арест Каменева

Желание Каменева не осуществилось. 16 декабря 1934 г., через месяц после того, как он представил план работы Института русской литературы на 1935 г., а также директивы на следующую пятилетку [Ф. 323. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–36], он был арестован. 20 декабря 1934 г. Чуковский делает запись в дневнике, свидетельствующую о удивлении и разочаровании:

В "Academia" носятся слухи, что уже 4 дня как арестован Каменев. Никто ничего определенного не говорит, но по умолчаниям можно заключить, что это так. Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-н<ибудь> отношение к убийству Кирова? В таком случае он лицемер сверхъестественный, т. к. к гробу Кирова он шел вместе со мною в глубоком горе, негодуя против гнусного убийцы. И притворялся, что занят исключительно литературой. С утра до ночи сидел с профессорами, с академиками — с Оксманом, с Азадовским, толкуя о делах Пушкинского Дома, будущего журнала и проч. <...> ... и казалось, весь поглощен своей литературной работой. А между тем... [Чуковский 1994, с. 111 (запись от 20 декабря 1934 года)].

В январе 1935 г. Чуковский снова касается в дневнике «дела Зиновьева, Каменева и других». Если деятельность Каменева как политика он оценивает сугубо негативно, то, говоря о его литературных трудах, подчеркивает их глубину и серьезность:

Вчера читал обвинительный акт. Оказывается, для этих людей литература была дымовая завеса, которой они прикрывали свои убогие политические цели. А я-то верил, что Каменев и вправду волнуется по поводу переводов Шекспира, озабочен юбилеем Пушкина, хлопочет о журнале Пушкинского Дома и что вся его жизнь у нас на ладони. Мне казалось, что он сам убедился, что в политике он ломаный грош, и вот искренне ушел в лит<ерату>ру — выполняя предначертания партии. Все знали, что в феврале он будет выбран в академики, что Горький наметил его директором Всесоюзного института литературы, и казалось, что его честолюбие вполне удовлетворено этими перспективами. <...> Мы, литераторы, ценили Каменева: в последнее время как литератор он значительно вырос, его книжка о Чернышевском, редактурка «Былого и дум» стоят на довольно высоком уровне. Приятная его манера обращения с каждым писателем

(на равной ноге) сделала то, что он расположил к себе: 1. всех литературоведов, гнездящихся в Пушкинском Доме; 2. всех переводчиков, гнездящихся в “Academia” и проч., и проч., и проч. Понемногу он стал пользоваться в литер<атурной> среде некоторым моральным авторитетом... [Чуковский 1994, с. 116–117 (запись от 18 января 1935 года)].

Арест Каменева означал исчезновение текстов, подписанных его именем. Если издание «Былого и дум» оставалось доступным в некоторых библиотеках Советского Союза, то только потому, что оба предисловия Каменева были из него вырваны. Его имя на титульном листе было стерто или замазано. Лишь по недосмотру советских цензоров на некоторых экземплярах это имя все-таки сохранилось — как, например, на задней стороне переплета одного из томов в РГБ.

Арест Каменева прервал едва начавшееся переиздание «Колокола». Первый выпуск, полностью готовый к публикации, в свет так и не вышел. Некоторые сотрудники Каменева также стали жертвами репрессий. В 1936 г. был арестован Исаак Троцкий (1903–1942), автор внутренней рецензии на первый выпуск, в которой содержались некоторые критические замечания по поводу предисловия Каменева (к ним мы еще вернемся). Дорого заплатил за близость к Каменеву и Юлиан Оксман (1894–1970), пушкиновед, с 1933 г. заместитель директора Института русской литературы⁸. Арестованный в ноябре 1936 г. и обвиненный среди прочего в том, что в створе с Львом Каменевым осуществлял в Пушкинском Доме вредительскую деятельность, он был приговорен сначала к пяти, а потом к десяти годам лагерей. В 1946–1957 гг. он преподавал в Саратовском университете, а затем вернулся в Москву и с 1958 по 1964 г. был научным сотрудником Института мировой литературы и участвовал в подготовке тридцатитомного собрания сочинений Герцена [см.: Ptuškina 2012; Азадовский, Оксман 1998; Оксман, Чуковский 2001; Эльзон 2003–2006]. Однако за контакты с западными славистами в октябре 1964 г. он был уволен из Института мировой литературы и исключен из Союза писателей [Грибанов 1995–1996].

Годом раньше, в 1963 г., Оксман анонимно опубликовал на Западе статью под названием «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых»⁹. В московских литературных кругах бытовала точка зрения, что многих советских писателей и ученых посадили по доносу литературоведа Якова Эльсберга, с которым Оксман был хорошо знаком. Репутация доносчика закрепилась за Эльсбергом так прочно, что под статьей о нем в восьмом томе «Краткой литературной энциклопедии» (1975) поставили подпись «Г. П. Уткин» (т. е. Гэпэуткин); это вызвало скандал, но лишь после того, как том уже вышел из печати [КЛЭ 1975, с. 883]. Между тем Эльсберг, который в 1962 г. был исключен из Союза писателей, но продолжал сотрудничать с Институтом мировой литературы и публиковаться, был также личным секретарем Каменева и специалистом по творчеству Герцена [см., в частности: Эльсберг 1948]. В 1933 г. он напечатал в «Литературном наследстве» хвалебную рецензию на каменевское издание «Былого и дум», где назвал его «первым марксистским научно комментированным, текстологически проверенным и исправленным

⁸ Оксман был ближайшим сотрудником Каменева; вместе они готовили мероприятия, связанные со столетием со дня смерти Пушкина (1937), и шеститомное собрание сочинений Пушкина, которое вышло в издательстве “Academia” в 1935–1938 гг.

⁹ [Оксман 1963]. Текст этой статьи воспроизведен в публикации [Эльзон 2005, с. 161–163].

изданием этого замечательного произведения» [Эльсберг 1933, с. 466]. А сразу за этой рецензией было напечатано объявление о готовящемся к выходу переиздании «Колокола» [Эльсберг 1933, с. 469–470]. Таким образом, фигура Каменева стала для Эльсберга чем-то вроде дамоклова меча. И вполне возможно, что только его активное сотрудничество со спецслужбами помогло ему избежать участи, уготованной остальным сотрудникам Каменева.

Впрочем, некоторые другие также избежали репрессий. Например, Соломон Штрайх, принимавший деятельнейшее участие в подготовке переиздания «Колокола». Штрайх составил многочисленные комментарии для первого выпуска, которыми, впрочем, Каменев остался недоволен, поскольку считал, что они написаны в «разоблачительно-анекдотическом стиле», контрастирующем с «общим тоном нашего издания» [Ф. 323. Оп. 1. Д. 88. Л. 48]. Вместе с другими герценоведами Штрайх, чья репутация в советских литературных кругах всегда оставалась весьма сомнительной [см.: Азадковский, Оксман 1998, с. 206, 217, 242–244, 252–256 и др.], выпустил в 1937–1939 гг. новое, «исправленное и дополненное», издание «Былого и дум» с собственными комментариями [Герцен 1937–1939]. В статье, опубликованной в 1937 г., Штрайх объявлял о выходе этого издания и упоминал предыдущие, не называя, однако, имени Каменева:

Последующие два издания «Былого и дум», выпущенные в 1930 и 1931 гг., не только не дали читателю улучшенный текст этого классического произведения, но в некоторых отношениях исказили явно выраженную волю Герцена и представили «Былое и думы» в чрезвычайно плохой редакции. В той части, например, которую Герцен считал для себя особенно важной — в рассказе о семейной драме — последние два издания в некоторых главах представляют собою образец самой скверной редакции даже в сравнении с очень плохой редакцией берлинского белоэмигрантского издания «Былого и дум» 1921 года [Штрайх 1937, с. 87].

Не могло быть худшей критики, адресованной Каменеву, чем та, где его работа поставлена ниже даже «белоэмигрантского издания» 1921 г. (издание Федора Родичева).

В Советском Союзе имя Каменева было под запретом¹⁰; если некоторые герценоведы порой упоминали Каменева, то лишь ради того, чтобы подвергнуть критике его статьи, напечатанные в двух советских энциклопедиях в 1929 и 1930 гг.¹¹. Несколько примеров помогут показать, насколько прочно было покрыто забвением имя Каменева. В 1962 г. в статье об архиве Герцена одна советская исследовательница опубликовала письмо, которое президент Академии наук Александр Карпинский отправил в сентябре 1931 г. дочери Герцена, а также ответ этой последней, датированный 20 октября 1931 г. Карпинский просил Наталью Герцен, жившую

¹⁰ В одном из наших разговоров Инна Птушкина рассказала мне, что бывшие сотрудники Каменева (в частности, Яков Эльсберг или Борис Козьмин), с которым она после Второй мировой войны работала над подготовкой академического собрания сочинений Герцена, никогда не ссылались на труды Каменева. Пользуюсь случаем выразить глубочайшую признательность Инне Птушкиной, которая щедро поделилась со мной своими воспоминаниями. Ее рассказы, ее ответы на мои многочисленные вопросы позволили мне лучше понять атмосферу, в которой трудились советские исследователи в 1950–1970-х гг.

¹¹ [Шелудько 1958]; см. также диссертацию этого автора, написанную под руководством М. Нечкиной (А. И. Герцен в советской историографии (1917–1957). М., 1958). В обоих случаях Шелудько пишет о Каменеве как об авторе, который извратил образ «великого революционного демократа».

в Швейцарии, прислать рукописные материалы, необходимые для переиздания «Колокола». Между тем исследовательница, опубликовавшая это письмо, подписанное Карпинским, не знала — и не могла знать, — что истинным его автором был Каменев [Рогова 1962]¹². В примечании она сообщает только, что проект переиздания «Колокола» не был осуществлен; о том же пишет в пространном исследовании 1985 г. и лучший специалист по истории герценовского архива [Житомирская 1985, с. 615]. В первом томе «Летописи жизни и творчества Герцена», охватывающем период с 1812 по 1850 г., освещены взаимоотношения Райнхольда Зольгера и Герцена. Авторы «Хроники» несколько раз упоминают статью, опубликованную в 1914 г. в «Вестнике Европы», однако имени ее автора — Каменева — не называют [Летопись 1974, с. 416, 472, 582, 587].

За пределами Советского Союза имя Каменева упоминалось прежде всего в связи с внутривнутрипартийной борьбой. Следует, однако, отметить одно исключение. Борис Николаевский, известный историк революционного движения, уехавший из России в 1922 г. и с 1940 г. живший в США, в 1945 г. подвел итог советскому герценоведению, причем оценил его весьма критически. Николаевский показал, какую важную роль сыграл в этой области Каменев, и подчеркнул огромную зависимость герценоведения от политической конъюнктуры:

В прошлом советского герценоведения был один период, когда казалось, что исследовательская работа над Герценом и его эпохой поставлена на прочные рельсы: это было в 1931–1934 годах, когда Горький стал во главе издательства «Академия», сделав своим ближайшим помощником Л. Б. Каменева. Последнего можно было считать пионером в области изучения интернациональных связей Герцена: еще в дореволюционные годы, в старом «Вестнике Европы» он напечатал действительно блестящий этюд о «Самом остроумном противнике Герцена», — о немецком левогегельянце и демократе Р. Зольгере, который решительно оспаривал герценовскую теорию обновления Европы, долженствующего прийти с Востока. <...> Первые годы революции занятый «высокой политикой» Каменев не работал над Герценом; но в 1931 году он вернулся к работам в этой области и наметил для «Академии» широкую программу работ по изучению Герцена: он выпустил научно проредактированное издание «Былого и дум», с очень ценным комментарием, явившимся результатом большой исследовательской работы; приступил к подготовке научных изданий философских статей Герцена и его художественных произведений; усиленно работал над подготовкой издания полного собрания переписки Герцена (она была рассчитана на 7 томов!); приступил к переизданию «Колокола» с обширными научными комментариями (без такого переиздания изучение Герцена действительно невозможно)... Убийство Кирова, который был главным покровителем всех начинаний Горького вообще и «Академии» в особенности, явилось катастрофой и для работ по изучению Герцена: Каменев был арестован, «Академия» разгромлена... начатые работы приостановлены, — а первый том переизданного «Колокола», уже напечатанный и объявленный к выходу, задержан в типографии и пуцен в переработку на бумагу... Весь исследовательский план пошел насмарку [Николаевский 1945, с. 375–376].

¹² Копия письма к Наталье Герцен, подписанного Каменевым, а также копия ответа Наталье Герцен, адресованного президенту Академии наук, сохранились в архиве Каменева [Ф. 323. Оп. 1. Д. 88. Л. 18–20].

Последствия ареста Каменева для герценоведения

Николаевский прав. Арестовав Каменева, Сталин заткнул рот не только ему самому, но и Герцену. Изучение Герцена замедлилось на много лет не только потому, что, как написала в 1962 г. Милица Нечкина, он не интересовал ученых, но еще и потому, что был предан забвению труд самого активного вдохновителя изучения жизни и творчества Герцена. Факсимильное переиздание «Колокола» вышло лишь три десятка лет спустя, в 1962 г.¹³ В предисловии к первому выпуску Нечкина пишет, что изучение «Колокола» началось только в 1940-е гг. Она отмечает особую роль Якова Эльсберга, который в 1946 г. посвятил специальную статью истории «Колокола», но не упоминает Каменева, с которым Эльсберг сотрудничал в первой половине 1930-х гг. [Эльсберг 1946].

Арест Каменева затруднил будущим герценоведам доступ к его работам. Между тем некоторые каменевские мысли, в частности соображения об «архитектурной стройности» «Былого и дум», долгое время бывшей камнем преткновения для издателей Герцена, не лишены интереса. Речь идет о композиции пятой части книги, посвященной 1848–1852 гг. (о структуре пятой части «Былого и дум» см.: [Птушкина 1997; Паперно 2010]). В ней Герцен рассказывает о критическом периоде своей жизни, когда судьба его резко переменилась. Некоторые фрагменты этой части, касающиеся «политической драмы», Герцен опубликовал в альманахе «Полярная звезда». Другие, связанные с драмами семейными, при жизни Герцена никогда не печатались. В них речь шла о трагических событиях: о поведении Натальи, жены Герцена, изменившей ему с Георгом Гервегом, о трагической гибели матери и сына Герцена, а затем о кончине Натальи, умершей вскоре после рождения сына, который пережил ее всего на несколько часов. Герцен считал эти страницы самой важной частью своих мемуаров, которая «будет напечатана гораздо позже и для которой я писал все остальные» [Птушкина 1997, с. 61]. Этот рассказ, который родственники Герцена по разным причинам не захотели отдать в печать после его смерти, был впервые опубликован лишь в 1919 г., в тринадцатом томе «Сочинений» Герцена, выпущенных Михаилом Лемке в 1915–1925 гг. Не имея доступа к оригинальной рукописи, Лемке осуществил публикацию по копиям; так же поступили и издатели академического тридцатитомника.

Но это не означало, что вопрос о структуре пятой части мемуаров решен. Следовало определить, в каком порядке и согласно какой логике печатать отдельные фрагменты этой части. Как пишет Ирина Паперно, каждое издание «Былого и дум» предлагало «читательскому вниманию различные версии текста» [Паперно, с. 49]. Судьба герценовского архива оказалась чрезвычайно сложной, и советские исследователи получили доступ к оригинальной рукописи лишь в 1970 г., после многолетних поисков. Опубликована же она была в «Литературном наследстве» только в 1997 г., и лишь после этого вопрос о структуре пятой части оказался решен окончательно. Сотрудница Института мировой литературы Инна Птушкина, детально изучившая эту рукопись, показала, что Герцен имел в виду определенную структуру этих глав: ту, которую касалась «внешних событий», он предполагал назвать

¹³ Первые семь выпусков появились в 1962 г., восьмой — в 1963-м. В этих восьми выпусках напечатаны номера «Колокола», вышедшие в Лондоне с 1857 по 1865 г. С 1866 г. газета печаталась в Женеве. Факсимильное переиздание «Колокола» завершилось в 1964 г.

“Outside”. Строго говоря, это название не представляло из себя никакой загадки. В 1859 г. Герцен уже опубликовал эту часть в «Полярной звезде», и там она называлась «Запад, Отделение первое. Outside (1848–1852)». Некоторые последующие издания «Былого и дум» разделяли пятую часть на две (в одной — революционные события, в другой — семейная драма), но название “Outside” нигде не фигурировало, поскольку издатели опирались на другие копии пятой части. А между тем герценовское название «Отделение первое. Outside» предполагало, как пишет Птушкина, что за ним последует «Отделение второе. Inside». Только тщательно изучив оригинальную рукопись и различные копии, Птушкина смогла показать, что часть, посвященную семейной драме, Герцен намеревался начать текстом, сохранившимся в другой тетради; там он был назван «Дневник одной женщины», а этому названию предшествовал заголовок «Inside. Глава первая» [Птушкина 1997, с. 64].

Это открытие показало, как тесно переплетались в сознании Герцена семейная трагедия и трагедия политическая. Герценоведы часто указывали на то, что в творчестве Герцена частное и всеобщее связаны многообразными узлами, что события личной жизни для него не отделены от движения истории. Между тем колесо истории раздавило Герцена; сам он пишет в начале пятой части: «“Былое и думы” не историческая монография, а отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге». Ирина Паперно показала, что советские интеллигенты в своих мемуарах, желая отразить тесную связь собственных личных драм с разыгрывавшейся вокруг коллективной драмой, ссылались на Герцена. Эти мужчины и женщины, тоже ощущавшие, что их раздавило колесо истории, на сей раз советской, узнавали себя именно в таком Герцене. Для них были равно важны оба «отделения» пятой части «Былого и дум», самой значительной, с точки зрения Герцена, — и “Inside”, и “Outside”.

Между тем первым, кто обнаружил, что второе «отделение» пятой части должно носить название “Inside”, и даже опубликовал пятую часть с названиями “Outside” и “Inside”, был именно Каменев. Он не имел доступа к рукописи, однако тщательно изучил историю создания и издания, содержание «Былого и дум», и это позволило ему прийти к следующему выводу:

Автор <Герцен>, однако, пытается спасти свой первоначальный замысел. Он разбивает четвертую часть на два отделения и, сохраняя в своем столе главы, посвященные семейной трагедии, печатает вновь написанные главы, посвященные судьбам революции и революционеров, под заголовком «Запад. Отделение I. — Outside — 1849–1852 гг.». “Outside” — значит «Внешнее». Естественно и законно предположить, что второму отделению той же части «Запад», ограниченному теми же рамками 1849–1852 гг., предназначался автором заголовок “Inside” — «Внутреннее». Этим членением материала главам, «самым дорогим, самым для меня ценным», — как писал Герцен, — но, по ходу работы и условиям публикации, явно оттесненным на задний план, как бы сохранялось определенное место во всем произведении. Но эти главы при жизни Герцена никогда напечатаны не были. Сохранять симметрию подзаголовков двух отделений четвертой части было излишне: выпадением второго отделения структурный план всего произведения был все равно нарушен, — и характерное разделение этой части с ее подзаголовками затерялось на страницах «Полярной звезды», не толкнув мысль после-

дующих исследователей к восстановлению творческого замысла автора [Ф.323. Оп.2. Д.175. Л.70–70об].

Эльсберг в рецензии 1933 г. оценил эту гипотезу Каменева очень положительно:

В V части текста достигнута теперь и несравненно большая последовательность изложения, и, что особенно важно, выпукло выступает параллельное и взаимозависимое развитие общественной и личной драмы Герцена, связь «частного» и «общего», столь характерная вообще для его творчества и обусловившая реконструированное сейчас раздвоение не отделы “Outside” («Внешнее») и “Inside” («Внутреннее») [Эльсберг 1933, с. 466].

Но вскоре после этого, как уже было сказано, и имя Каменева, и его работы были преданы забвению¹⁴.

Каменев: интеллигент меж двух берегов

Вплоть до середины 1930-х гг. поколение интеллигентов и ученых, сформировавшееся до 1917 г., сохраняло влияние в советских академических институтах. Это поколение еще носило на себе отпечаток дореволюционных интеллектуальных традиций, которые значительно ослабли к концу 1930-х гг. и почти совсем забылись после Второй мировой войны, когда новое поколение, сформировавшееся в советскую эпоху, заменило предыдущее.

Об этом свидетельствует, в частности, переписка, сохранившаяся в архиве Каменева [Ф.323. Оп.1. Д.166. Л.1–2]: в феврале 1934 г. он получил письмо от некоего молодого человека, недавнего студента. Юноша собирался писать работу о Герцене и просил Каменева назвать ему марксистские труды на эту тему: «Марксистской литературы о Герцене очень мало, если не считать статьи Ленина “Памяти Герцена” и отдельных его замечаний о нем, да Вашего предисловия и комментариев к “Былому и думам”». Нам неизвестна биография каменевского корреспондента, но в любом случае ясно, что он был воспитан в коммунистических традициях и нуждался в работах, где дано марксистское истолкование творчества Герцена. Естественно, что он обратился к Каменеву — носителю и пропагандисту марксистской культуры, который в своих работах о Герцене активно насаждал ленинскую точку зрения.

Юноша сделал правильный выбор. Кому еще он мог написать? До начала 1930-х гг. самой влиятельной фигурой в советской исторической науке был Михаил Покровский, который Герценом совершенно не интересовался. В «Очерках по истории революционного движения XIX–XX вв.», опубликованных в 1924 г., Покровский его даже не упоминает [Покровский 1924]. А если ему и случалось мельком назвать имя Герцена (напр., в «Русской истории с древнейших времен»), то только

¹⁴ Что касается Запада, то там о каменевском издании «Былого и дум» знали. Ирина Паперно в статье «Интимность и история» сообщает, что оно имелось в библиотеке Мартина Малиа, к которой она получила доступ; сам Малиа также ссылается на каменевское издание в библиографии своего труда [Malia 1961]. Паперно указывает также, что Каменев первым восстановил герценовские подзаголовки пятой части «Былого и дум» (“Inside” и “Outside”). Дарья Оливье, переводившая «Былое и думы» на французский и также пользовавшаяся изданием Каменева, упоминает в одном из примечаний (но без ссылки на источник), что «в первом варианте» пятая часть у Герцена состояла из двух «отделений»: “Outside” и “Inside” [Herzen 1979, p.249].

чтобы заклеить его «либеральный монархизм», его близость к славянофилам, его аристократизм и противопоставить его тем, в ком советский историк видел предшественников большевизма: Сергею Нечаеву, Петру Ткачеву [Покровский 1918]. Покровский не считал Герцена достойным занять место в революционном пантеоне. А между тем именно Покровский оказал сильнейшее влияние на первое поколение историков, сформировавшееся в советских вузах. Возможно, именно поэтому лишь очень немногие из первых советских историков посвятили Герцену хотя бы какие-то работы, а предпринимавшиеся с 1920 г. попытки представить Герцена революционером, демократом и предшественником большевизма в эти годы успехом не увенчались.

Однако Каменев в ответе своему молодому корреспонденту отсылает его вовсе не к марксистской литературе, а к работе Чехихина-Ветринского: «что касается литературы, то очень большая литература о Герцене указана в книге Ветринского "Герцен". Вышла в 1908 г.» [Ф. 323. Оп. 1. Д. 166. Л. 2]. Между тем Чехихин-Ветринский был не просто автором весьма значительной монографии о Герцене, он был видным либералом и интерпретировал Герцена именно с этих позиций. Что же касается марксистской литературы о Герцене, ее в 1908 г. вовсе не существовало, и Каменев это знал лучше, чем кто бы то ни было.

Рекомендуя своему корреспонденту труд Чехихина-Ветринского, Каменев действует как человек, уважающий другие историографические традиции, в данном случае либеральные. Показательно, кстати, что в статьях, написанных для энциклопедий 1929 и 1930 гг., а равно и в предисловии к «Рассказам и повестям» Герцена, опубликованным в 1934 г., Каменев не ссылается на статью Ленина о Герцене. В это время он еще может позволить себе решать самостоятельно, цитировать ему Ленина или нет. В первом издании «Большой советской энциклопедии» за статьей, написанной Каменевым, следует библиография, в которой перечислены не только работы марксистов (Плеханова, Ленина, Кирика Левина, самого Каменева, Владимира Фриче), но и труды немарксистских историков, напечатанные до и после 1917 г.: Чехихина-Ветринского, В. П. Батурина, Михаила Гершензона, Евгения Тарле, Василия Яковлева-Богучарского, Густава Шпета, Алексея Веселовского. Напротив, в 1952 г., во втором издании «Большой советской энциклопедии» в библиографии к статье «Герцен» не упомянуто ни одно издание, вышедшее до 1945 г., за исключением работ Ленина, Плеханова и Луначарского. Судя по этой библиографии, можно подумать, что Герцена начали изучать только с конца 1940-х гг.

Заключение

Трагический конец Каменева обозначил конец целой эпохи. Наступили годы сталинских репрессий. В это время обсуждение наследия Герцена прекратилось. Уже в начале 1930-х гг. во внутренней рецензии на предисловие к «Колоколу» Исаак Троцкий утверждал, что Каменев недостаточно активно представляет марксистско-ленинскую точку зрения и что «предисловие должно быть значительно расширено и доработано» [Ф. 323. Оп. 1. Д. 88. Л. 87]. Недостаточно, пенял он Каменеву, цитировать Ленина. Нужно, опираясь на конкретные примеры, проанализировать политическую программу Герцена, чтобы показать, как в нем, по слову Ленина, «демократ брал верх над либералом». Исаак Троцкий также упрекал Каменева в не-

различии либеральной и демократической тенденций 1860-х гг., в недооценке коренных различий между Герценом и Чернышевским. Между тем объяснить эти различия, писал он, можно только основываясь на учении Ленина «о двух путях капиталистического развития России, дающем ключ к пониманию общественного движения 60-х годов» [там же, л. 89]. Наконец, еще один упрек Троцкого касался неумения Каменева применять к анализу общества учение о классовой борьбе; впрочем, марксисты всегда упрекали в этом либералов.

Но Исаак Троцкий еще не знал, что в СССР наступает эпоха «великого перелома» и что его собственная судьба окажется так же трагична, как и судьба Каменева. «Великий перелом» затронул все сферы: политическую и экономическую прежде всего, но также социальную, художественную, интеллектуальную и культурную. Отныне упоминать историков либерального направления стало невозможно (разве что для того, чтобы их осудить). Что же касается Михаила Покровского, умершего в 1932 г., его очень скоро обвинили в «вульгарном социологизме». В 1934 г., после выхода постановления о преподавании литературы в школе, его историографическая школа подверглась официальному осуждению. Между тем Исаак Троцкий в своей внутренней рецензии рекомендовал исследователям опираться на труды Покровского и широко цитировать его «Русскую историю с древнейших времен». Впрочем, он рекомендовал также использовать исторические труды знаменитого либерального историка Павла Милюкова, на которого представители официальной советской историографии обрушились с критикой еще в начале 1930-х гг. В ту пору, когда Троцкий писал свою рецензию, Покровский еще не был подвергнут осуждению, а Каменев еще не был расстрелян. Вскоре обоих этих «титанов революции» свергли с пьедестала. Правда, Покровскому, в отличие от Каменева, «повезло», и он умер своей смертью.

Каменев был одним из тех, кто распространял ленинскую точку зрения на Герцена. Как известно, статья Ленина, написанная в 1912 г., с 1930-х гг. и до самого конца советской эпохи служила обязательной точкой отсчета для всех, кто писал о Герцене. Конечно, Каменев перешел на «другой берег», конечно, он пытался насаждать ленинскую интерпретацию, однако при этом он не замалчивал и труды либеральных историков, которые появились в России перед революцией 1917 г. В судьбе Каменева отразился «великий перелом», который совершился в Советском Союзе и вследствие которого целый историографический пласт (прежде всего историография либерального направления) был предан забвению вплоть до начала перестройки. И одним из следствий гибели Каменева стало замедление герценоведческих исследований в Советском Союзе.

Источники

РГАСПИ — Российский государственный архив социальной и политической истории.

РГБ — Российская государственная библиотека.

Литература

Азадовский, Оксман 1998 — Азадовский М., Оксман Ю. *Переписка, 1944–1954*. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 409 с.

Герцен 1931–1932 — Герцен А. И. *Былое и думы: В 3 т.* Каменев Л. Б. (ред.). М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1932.

- Герцен 1934 — Герцен А. И. *Повести и рассказы*. Каменев Л. Б. (подгот. текста и предисл.), Эльсберг Я. (прим.). М.: Academia, 1934.
- Герцен 1937 — Герцен А. И. *Былое и думы: В 5 т.* Левин Ф. М., Нович И. С. и др. (ред.). М.: Художественная литература, 1937.
- Горький 2000 — Горький М. *Неизданная переписка*. М.: Наследие, 2000. 342 с.
- Грибанов 1994 — Грибанов А. Б. «Ю. Г. Оксман в переписке Г. П. Струве 1963 года.» *Тыняновский сборник. Вып. 9: Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения*. Рига; М., 1995–1996. С. 495–505.
- Десятилетие 1935 — *Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне, 1853–1863* [факсимильное воспроизведение сборника ее первых листов, составленного и изданного Л. Чернецким в Лондоне в 1863 году]. М.; Л.: Academia, 1935.
- Житомирская 1985 — Житомирская С. М. «Судьба архива Герцена и Огарева.» *Литературное наследство*. Т. 96. М., 1985. С. 549–640.
- Каменев Л. 1929 — Каменев Л. «Герцен Александр Иванович.» *БСЭ: В 66 т.* Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1929. Стлб. 466–484.
- Каменев Л. 1930 — Каменев Л. «Герцен Александр Иванович.» *Литературная энциклопедия: В 11 т.* Т. 2. М.: Изд-во коммунистической академии, 1930. Стлб. 484–485.
- Каменев Л. 1933 — Каменев Л. Б. *Чернышевский*. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 196 с. — (Жизнь замечательных людей; 13)
- Каменев Ю. 1912 — Каменев Ю. [Рец.]: Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. *Просвещение*. № 2, 1912.
- Каменев Ю. 1914 — Каменев Ю. «Самый остроумный противник Герцена.» *Вестник Европы*. 448 (4), 1914: 118–160.
- Каменев Ю. 1916 — Каменев Ю. *Об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском*. Петроград: Жизнь и знание, 1916. 142 с.
- КЛЭ 1975 — *Краткая литературная энциклопедия: В 9 т.* Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1975. 1136 стб.
- Колокол — *Колокол. Однодневная газета памяти А. И. Герцена*. Лемке М. Я. (ред.). Петроград. Дата публикации: 21 января 1920.
- Крылов 1989 — Крылов В. В. «Прошу не оставлять литературной работы» (О Л. Б. Каменеве). *Советская библиография*. 234 (2: Март-апрель), 1989: 63–70.
- Крылов 1994 — Крылов В. В. «Финальный аккорд литературного творчества Л. Б. Каменева.» *Мир источниковедения*. М.; Пенза: Ист.-арх. ин-т, 1994. С. 181–185.
- Крылов 1996 — Крылов В. В. «Неопубликованное предисловие Л. Б. Каменева к переизданию «Колокола» А. И. Герцена.» *Археографический ежегодник за 1994 год*. М.: Наука, 1996. С. 328–356.
- Крылов 2000 — Крылов В. В. «Л. Б. Каменев — директор Пушкинского Дома (Штрихи к портрету).» *Источниковедение и краеведение в России*. М.: РГГУ, 2000. С. 447–450.
- Крылов, Кичатова 2004 — Крылов В. В., Кичатова Е. В. *Издательство «Academia», люди и книги: 1921–1938–1991*. М.: Academia, 2004. 328 с.
- Летопись 1974 — *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена*. В 4 т. Егоров Б. Ф. и др. (ред.). Т. 1: 1812–1850. М.: Наука, 1974. 612 с.
- Николаевский 1945 — Николаевский Б. И. «Герценоведение в советской России.» *Новый журнал*. X, 1945: 375–376.
- Оксман 1963 — Оксман Ю. Г. «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых.» *Социалистический вестник*. 5–6, 1963: 74–76.
- Оксман, Чуковский 2001 — Оксман Г. Ю., Чуковский К. И. *Переписка. 1949–1969*. Гришунин А. Л. (предисл. и комм.). М.: Языки славянской культуры, 2001. 174 с.
- Паперно 2010 — Паперно И. «Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1990-е годы).» *Новое литературное обозрение*. 103, 2010: 41–66.
- Покровский 1918 — Покровский М. Н. *Русская история с древнейших времен: В 5 т.* Т. 4. М.: Мир, 1918. 436 с.
- Покровский 1924 — Покровский М. Н. *Очерки по истории революционного движения XIX–XX вв.* М.: Красная новь, 1924. 232 с.
- Птушкина 1997 — Птушкина И. Г. ««Былое и думы»: автограф рассказа о семейной драме («Inside»).» *Литературное наследство*. Т. 99 (Кн. 1), 1997: 55–81.

- Рогова 1962 — Рогова Н. С. “К истории архива Герцена.” *Исторический архив*. 1 (Январь-февраль), 1962: 94–104.
- Черняев 1992 — Черняев В. Ю. *Лев Каменев. Работы Л. Б. Каменева в фондах библиотеки Российской академии наук*. СПб.: БАН, 1992. С. 13–39.
- Черняк 1933 — Черняк Я. З. *Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (Дело Огарева — Панаевой): По архивным материалам*. М., Л.: Academia, 1933. 559 с.
- Чуковский 1994 — Чуковский К. *Дневник, 1930–1969: В 2 т.* Т. 2. М.: Современный писатель, 1994. 560 с.
- Шелудько 1958 — Шелудько С. А. “А. И. Герцен в советской историографии (1917–1933 годы).” *Из истории революционного движения в России в XIX — начале XX веков*. М.: Б. и., 1958. С. 53–105.
- Штрайх 1937 — Штрайх С. “Из творческой истории «Былого и дум».” *Литературная учеба*. 3, 1937: 75–88.
- Эльзон 2003–2006 — Эльзон М. Д. (публ.). «Искренне Ваш Юл. Оксман» (Письма 1914–1970 годов). Рак В. Д. (предисл.). *Русская литература*. 2003. № 3: 137–184; №4: 182–220; 2004. № 1: 145–199; №2: 189–244; 2005, № 4: 140–201; 2006, № 1: 227–273.
- Эльзон 2005 — Эльзон М. Д. (публ.). «Искренне Ваш Юл. Оксман» (Письма 1914–1970 годов). *Русская литература*. 4, 2005: 140–201.
- Эльсберг 1933 — Эльсберг Ж. “Новое издание «Былого и дум» А. И. Герцена.” *Литературное наследство*. Т. 7–8. 1933. С. 462–469.
- Эльсберг 1946 — Эльсберг Я. Е. “«Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.” *Ученые записки МГУ*. 118 (2), 1946: 154–171.
- Эльсберг 1948 — Эльсберг Я. Е. *А. И. Герцен. Жизнь и творчество*. М.: Госполитиздат, 1948. 524 с.
- Herzen 1979 — Herzen A. *Passé et Méditations*: In 4 vols. Vol. 3. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. 276 p. (франц.)
- Malia 1961 — Malia M. *Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism 1812–1855*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1961. IX, 486 p. (англ.)
- Ptuškina 2012 — Ptuškina I. “Julian Grigor'evič Oksman et son rôle dans l'édition académique des Œuvres d'Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires.” *Revue des études slaves*. 83 (1), 2012: 41–64. (франц.)

Для цитирования: Амашер К. Лев Каменев, исследователь творчества Александра Герцена: интеллигент меж двух берегов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 625–642. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.410>

Archives

РГАСПИ — RGASPI (Russian State Archive of Socio-Political History).
РГБ — RSL (Russian State Library).

References

- Азадовский, Оксман 1998 — Azadovskii M., Oksman Iu. *Perepiska, 1944–1954* [Correspondence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 409 p. (Russian)
- Герцен 1931–1932 — Gertsen A. I. *Byloe i dumy* [My past and thoughts]: In 3 vols. Kamenev L. B. (ed.). Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1931–1932. (Russian)
- Герцен 1934 — Gertsen A. I. *Povesti i rasskazy* [Stories and short stories]. Kamenev L. B. (text prep. and preface), El'sberg Ia. (comm.). Moscow: Academia, 1934. (Russian)
- Герцен 1937 — Gertsen A. I. *Byloe i dumy* [My past and thoughts]: In 5 vols. Levin F. M., Novich I. S. et al. (ed.). Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1937. (Russian)
- Горький 2000 — Gor'kii M. *Neizdannaiia perepiska* [Unpublished correspondence]. Moscow: Nasledie, 2000. 342 p. (Russian)
- Грибанов 1994 — Gribanov A. B. “Iu. G. Oksman v perepiske G. P. Struve 1963 goda [Oksman about the correspondence of G. P. Struve].” *Tynjanovskij sbornik. Iss. 9: Sed'mye Tynianovskie chteniia: materialy dlja obsuzhdenija* [Tynianov's Book. Iss. 9: The seventh Tynianov's readings]. Riga; Moscow, 1995–1996. P. 495–505. (Russian)
- Десятилетие 1935 — *Desiatiletie Vol'noi russkoi tipografii v Londone, 1853–1863* [faksimil'noe vosproizvedenie sbornika ee pervykh listov, sostavlennoho i izdannogo L. Chernetskim v Londone v 1863 godu] [Ten years of the Free Russian typography in London, 1853–1863 [facsimile edition of “Collection of her

- first papers compiled and published by L. Chernetskii" in London in 1863]]. Moscow; Leningrad: Academia, 1935. (Russian)
- Житомирская 1985 — Zhitomirskaiia S. M. "Sud'ba arkhiva Gertsena i Ogareva [Destiny of the archive of Herzen and Ogarev]." *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 96. Moscow, 1985. P. 549–640. (Russian)
- Каменев Л. 1929 — Kamenev L. "Gertsen Aleksandr Ivanovich [Herzen Aleksandr Ivanovich]." *Bol'shaja sovsetskaja enciklopediia* [The Great Soviet Encyclopedia]: In 66 vols. Vol. 16. Moscow: Sovetskaiia entsiklopediia, 1929. Stlb. 466–484. (Russian)
- Каменев Л. 1930 — Kamenev L. "Gertsen Aleksandr Ivanovich [Herzen Aleksandr Ivanovich]." *Literaturnaia entsiklopediia* [Literary encyclopedia]: In 11 vols. Vol. 2. Moscow: Kommunisticheskaia Academia Publ., 1930. Stlb. 484–485. (Russian)
- Каменев Л. 1933 — Kamenev L. B. *Chernyshevskii* [Chernyshevskii]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1933. 196 p. — (Zhizn' zamechatel'nykh liudei [Life of outstanding people]; 13) (Russian)
- Каменев Ю. 1912 — Kamenev Iu. [Rew.]: Bogucharskii V. Ia. Iz istorii politicheskoi bor'by v 70 i 80-kh gg. XIX veka. Partiiia «Narodnoi voli», ee proiskhozhdenie, sud'by i gibel' [From the history of political struggle in 1879s and 1880s. Party «Folk freewill», its origin, destiny, and death]. *Prosveshchenie*. 2, 1912. (Russian)
- Каменев Ю. 1914 — Kamenev Iu. "Samyi ostroumnyi protivnik Gertsena [The wittiest enemy of Herzen]." *Vestnik Evropy*. 448 (4), 1914: 118–160. (Russian)
- Каменев Ю. 1916 — Kamenev Iu. *Ob A. I. Gertsene i N. G. Chernyshevskom* [On A. I. Herzen and N. G. Chernyshevskii]. Petrograd: Zhizn' i znanie, 1916. 142 p. (Russian)
- КЛЭ 1975 — *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Short literary encyclopedia]: In 9 vols. Vol. 8. Moscow: Soviet encyclopedia, 1975. 1136 stb. (Russian)
- Колокол — *Kolokol. Odnodnevnaia gazeta pamiati A. I. Gertsena* [The Bell. One-day newspaper on the memory of A. I. Herzen]. Lemke M. Ia. (ed). Petrograd. Date publ.: January 21, 1920. (Russian)
- Крылов 1989 — Krylov V. V. "«Proshu ne ostavliat' literaturnoi raboty» (O L. B. Kameneve) [«I am asking not to leave your literary work» (On L. B. Kamenev)]." *Sovetskaiia bibliografiia*. 234 (2: Mart-aprel'), 1989: 63–70. (Russian)
- Крылов 1994 — Krylov V. V. "Final'nyi akkord literaturnogo tvorchestva L. B. Kameneva [Final accords of the literary works of L. B. Kamenev]." *Mir istochnikovedeniia* [World of source studies]. Moscow; Penza, 1994. P. 181–185. (Russian)
- Крылов 1996 — Krylov V. V. "Neopublikovannoe predislovie L. B. Kameneva k pereizdaniuiu «Kolokola» A. I. Gertsena [Unpublished foreword of L. B. Kamenev to the re-edition of the «Bell» of A. I. Herzen]." *Arkhograficheskii ezhegodnik za 1994 god* [Archeographic annual in 1994]. Moscow: Nauka, 1996. P. 328–356. (Russian)
- Крылов 2000 — Krylov V. V. "L. B. Kamenev — direktor Pushkinskogo Doma (Shtriki k portretu [Kamenev as a director of the Pushkin House (Strokes to the portraits)])." *Istochnikovedenie i kraevedenie v Rossii* [Source studies and region studies in Russia]. Moscow: RSUH, 2000. P. 447–450. (Russian)
- Крылов, Кичатова 2004 — Krylov V. V., Kichatova E. V. *Izdatel'stvo «Academia», liudi i knigi: 1921–1938–1991* [Publishing House «Academia», people and books: 1921–1938–1991]. Moscow: Academia, 2004. 328 p. (Russian)
- Летопись 1974 — *Letopis' zhizni i tvorchestva A. I. Gertsena* [Chronicle of life and works of A. I. Herzen]. In 4 vols. Egorov B. F. et al (eds.). Vol. 1: 1812–1850. Moscow: Nauka, 1974. 612 p. (Russian)
- Николаевский 1945 — Nikolaevskii B. I. *Gertsenovedenie v sovetskoj Rossii* [Herzen studies in the Soviet Russia]. *The New Review*. X, 1945: 375–376. (Russian)
- Оксман 1963 — Oksman Iu. G. "Donoschiki i predатели sredi sovetskikh pisatelei i uchenykh [Informers and betrayers among the Soviet writers and scientists]." *Sotsialisticheskii vestnik*. 5–6, 1963: 74–76. (Russian)
- Оксман, Чуковский 2001 — Oksman G. Iu., Chukovskii K. I. *Perepiska. 1949–1969*. [Correspondence]. Grishunin A. L. (preface, comm.). Moscow:azyki slavianskoi kul'tury, 2001. 174 p. (Russian)
- Паперно 2010 — Paperno I. "Intimnost' i istoriia: semeinaia drama Gertsena v soznanii russkoi intelligentsii (1850–1990-e gody) [Intimacy and history: Family drama of Herzen as perceived by the Russian intelligentsia]." *Novoe literaturnoe obozrenie — New literary observer*. 103, 2010: 41–66. (Russian)
- Покровский 1918 — Pokrovskii M. N. *Russkaia istoriia s drevneishikh vremen* [Russian history from the ancient times]: In 5 vols. Vol. 4. Moscow: Mir, 1918. 436 p. (Russian)
- Покровский 1924 — Pokrovskii M. N. *Ocherki po istorii revoliutsionnogo dvizheniia XIX–XX vv.* [Essays on the history of revolutionary movement in 19th and 20th centuries]. Moscow: Krasnaia nov', 1924. 232 p. (Russian)

- Птушкина 1997 — Ptushkina I.G. “Byloe i dumy»: avtograf rasskaza o semeinoi drame (“Inside”) [“My past and thoughts”: an autograph of a family drama story (“Inside”).]” *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 99 (Book 1), 1997: 55–81. (Russian)
- Рогова 1962 — Rogova N.S. “K istorii arkhiva Gertsena [On the history of the archive of Herzen].” *Istoricheskii arkhiv*. 1 (January-February), 1962: 94–104. (Russian)
- Черняев 1992 — Cherniaev V.Iu. *Lev Kamenev. Raboty L. B. Kameneva v fondakh biblioteki Rossiiskoi akademii nauk* [Works of L. B. Kamenev in the Library of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Library of the RAS, 1992. P. 13–39. (Russian)
- Черняк 1933 — Cherniak Ia. Z. *Ogarev, Nekrasov, Gertsen, Chernyshevskii v spore ob ogarevskom nasledstve (Delo Ogareva — Panaevoi): Po arkhivnym materialam* [Ogarev, Nekrasov, Herzen, Chernyshevskii in the dispute over Ogarev’s inheritance]. Moscow, Leningrad: Academia, 1933. 559 p. (Russian)
- Чуковский 1994 — Chukovskii K. *Dnevnik, 1930–1969* [Diary, 1930–1969]: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Sovremennyy pisatel’, 1994. 560 p. (Russian)
- Шелудько 1958 — Shelud’ko S.A. “A. I. Gertsen v sovetskoj istoriografii (1917–1933 gody) [A. I. Herzen in the Soviet historiography].” *Iz istorii revoliutsionnogo dvizheniia v Rossii v XIX-nachale XX vekov* [From the history of the revolutionary movement in Russia in 19–20th centuries]. Moscow, 1958. P. 53–105. (Russian)
- Штрайх 1937 — Shtraikh S. “Iz tvorcheskoi istorii «Bylogo i dum» [From the creative history of “My past and thoughts”].” *Literaturnaia ucheba*. 3, 1937: 75–88. (Russian)
- Эльзон 2003–2006 — El’zon M. D. (publ.). «Iskrenne Vash Iul. Oksman» (Pis’ma 1914–1970 godov) [“Sincerely yours, Iul. Oksman” (Letters of 1914–1970)]. Rak V. D. (preface). *Russkaia literatura*. 2003. № 3: 137–184; № 4: 182–220; 2004. № 1: 145–199; № 2: 189–244; 2005, № 4: 140–201; 2006, № 1: 227–273. (Russian)
- Эльзон 2005 — El’zon M. D. (publ.). «Iskrenne Vash Iul. Oksman» (Pis’ma 1914–1970 godov) [“Sincerely yours, Iul. Oksman” (Letters of 1914–1970)]. *Russkaia literatura*. 4, 2005: 140–201. (Russian)
- Эльсберг 1933 — El’sberg Zh. “Novoe izdanie «Bylogo i dum» A. I. Gertsena [New edition of “My past and thoughts” of A. I. Herzen].” *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 7–8. 1933. P. 462–469. (Russian)
- Эльсберг 1946 — El’sberg Ia. E. «Kolokol» A. I. Gertsena i N. P. Ogareva [“Bell” of A. I. Herzen and N. P. Ogarev]. *Uchenye zapiski MSU*. 118 (2), 1946: 154–171. (Russian)
- Эльсберг 1948 — El’sberg Ia. E. *A. I. Gertsen. Zhizn’ i tvorchestvo* [A. I. Herzen. Life and works]. Moscow: Gospolitizdat, 1948. 524 p. (Russian)
- Herzen 1979 — Herzen A. *Passé et Méditations* [My past and thoughts]: In 4 vols. Vol. 3. Lausanne: L’Age d’Homme, 1979. 276 p. (French)
- Malia 1961 — Malia M. *Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism 1812–1855*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1961. IX, 486 p. (English)
- Ptuškina 2012 — Ptuškina I. “Julian Grigor’evič Oksman et son rôle dans l’édition académique des Œuvres d’Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires [The Role Played by Julian Grigor’evič Oksman in the Academic Edition of the Collected Works of Aleksandr Herzen An outline of Memoirs].” *Revue des études slaves*. 83 (1), 2012: 41–64. (French)

For citation: Amacher K. Lev Kamenev, a Specialist of Aleksandr Herzen’s Work: An Intellectual Between Two Shores. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 625–642. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.410>

Статья поступила в редакцию 15 октября 2016 г.
Статья рекомендована в печать 25 апреля 2017 г.